

1

— Вот тебе загадка. Ты хочешь отправить мне по почте свой сундук с сокровищами. У каждого из нас есть по замку с ключом, но твой ключ не подходит к моему замку, а мой — к твоему. Как тебе отправить мне свой сундук так, чтобы никто посторонний не смог его открыть?

Мы сидели на кровати Джека, глядя сквозь окно в потолке его мансарды. Вообще-то мне уже полагалось спать у себя в комнате, но я, как всегда, улизнула к брату на верхний этаж. Джек на шесть лет старше меня и может засиживаться допоздна — он почти никогда не спит, когда я к нему прибегаю. В ту ночь я услышала знакомый рев двигателей. Не глядя на часы, я знала, что это рейс в Нью-Йорк, вылетающий в 22:15. В ту же минуту в черном квадрате мансардного окна появилась мерцающая точка. Мне нравилось представлять себе самых разных пассажиров, сидящих в салоне этого самолета.

Я даже сочиняла их истории. Одна старушка летит навестить сына-бизнесмена, который открыл свое дело на Манхэттене. Молодожены в начале свадебного путешествия пьют шампанское и целуются. А ряд перед ними занимает семья с оравой детей: они возвращаются домой после летних каникул в Лондоне. Стюардессы немного на них злятся, потому что дети все время вскакивают с мест и бегают туда-сюда по проходу, налетая на тележки с едой и напитками.

Я попыталась сосредоточиться на загадке.

— Да ну, легкотня! Отправлю тебе ключ в отдельном конверте. Только мы с тобой будем знать, для чего этот ключ, — радостно объявила я.

— Не-а... Шевели извилинами, Флик, ты способна на большее. Конверт можно перехватить...

Я думала изо всех сил.

— Не знаю, сдаюсь. Расколоть замок топором? — спросила я, сама понимая, что ответ неправильный.

— Здесь нужно подходить тоньше. Расколоть топором может кто угодно... Включите мозг, Сержант!

Это наша с Джеком еще детская игра: он был детективом-любителем, а я — его ассистенткой в полиции. Джек всегда говорил, что моя роль гораздо важнее, чем просто помогать ему (о чем я всегда мечтала), ведь именно я официально веду расследование на месте преступления: «Разница в том, что вся твоя деятельность абсолютно законна, а моя — отчасти теневая и должна вестись под прикрытием».

Эти роли нам идеально подходили, потому что я с удовольствием следую правилам, а Джек их просто ненавидит. Его конек — всех смешить. Как правило, розыгрыши сходят Джеку с рук, ну а когда не сходят — его в наказание оставляют в школе

на дополнительные занятия. Это бывает часто, что очень сердит папу, особенно в последнее время: Джеку пора уже сосредоточиться на учебе и поступлении в университет. Вслед за папой начинает сердиться мама, но она обычно на стороне Джека. Папа говорит, что мама слишком потакает Джеку. Но как бы там ни было, Джек умнее всех, кого я знаю, и за несколько секунд разгадывает самые сложные головоломки и загадки.

— Помни, что задача может решаться в несколько ходов. Давай я помогу тебе начать. У тебя есть собственный замок и ключ. Ты можешь отправить мне сундук, приложив к нему свой запертый замок. Я получаю его, но, вместо того чтобы попытаться открыть сундук, добавляю к нему свой замок и запираю. А затем шлю его обратно тебе. Начинает доходить? Ты получишь тот же самый сундук, но на этот раз с двумя замками.

— Ой, конечно! Я открою свой замок и отправлю сундук обратно тебе, но только уже с твоим замком. Тогда ты сможешь открыть его и получить сокровища!

Он наградил меня аплодисментами. В этом весь Джек: помогает мне найти ответ, а поздравляет так, словно я сама догадалась. Он протянул мне коробку с шоколадными лягушками, и я в восторге раскусила одну из них, хотя уже почистила зубы. Сначала сочетание мятной зубной пасты и шоколада показалось отвратительным, но я знала, что через две секунды рот наполнится восхитительным карамельным вкусом.

Разгадав одну из загадок Джека, я всегда клюю носом, пока он не ущипнет меня и не отправит вниз спать. Но в ту ночь я решила не спать как можно дольше, потому что в следующий раз сидеть

рядышком и болтать мы сможем очень нескоро. В углу комнаты брата, у окна, уже стоял его упакованный рюкзак, а на столике возле кровати лежали паспорт и билеты на самолет. Джек улетал на целых десять месяцев. Его не будет с нами, когда мы пойдем смотреть салют на мой день рождения в ноябре. Он не принесет мне, как обычно, нанизанные на палочку зефиринки, а после каждого завораживающего залпа салюта не станет пояснять, что это была за ракета. Я никогда не могла понять, какие названия настоящие, а какие он выдумывает на ходу.

Он пропустит даже Рождество. К нам, как всегда, придет бабушка Сильвия и будет жаловаться на свои болезни и недомогания, и без Джека некому будет отвлечь ее игрой в карты или какой-нибудь особенно замысловатой задачей.

Я старалась особенно не думать обо всем этом, потому что от этих мыслей у меня в горле набухал какой-то горький комок, который никак не удавалось проглотить. Так что я просто сидела, глядя сквозь окошко в потолке, и старалась думать о чем угодно, кроме отъезда Джека, а это было совсем не просто. Я пообещала себе, что запомню этот вечер как «Вечер сундука сокровищ», а не как «Вечер перед отъездом Джека».

* * *

Я вновь и вновь пересматривала короткое поздравительное видео, которое Джек прислал на мой день рождения из Бразилии. Странно было видеть его на пляже, когда мы с мамой покупали рождественские подарки. Новый год мы праздновали у дяди Майкла, и, зажигая свой бенгальский огонь, я приняла несколько важных решений. Во-первых,

я наконец досочиню хотя бы одну из историй, которые прямо-таки роились у меня в голове, вдохновленные загадками брата. А во-вторых, все же уговорю папу купить всем нам билеты, чтобы навестить Джека.

В настенном календаре, который брат для меня сделал, я вела счет дням с его отъезда. К счастью, время шло довольно быстро. Началась новая четверть, и на уроке английского нам предложили очень увлекательный проект. В остальном жизнь шла как обычно. Ничто не предвещало, что всё вот-вот переменится. Даже мерцающий огонек вечер за вечером неизменно пролетал в Нью-Йорк в 22:15 мимо окна Джека. Но затем, в середине января, парень, любивший смотреть на этот огонек, угодил на другом конце света в передрыгу, которую ярко накрашенная теледикторша назвала «одним из самых страшных природных катаклизмов за всю историю».

2

Дело было в четверг днем, на уроке английского. Мы проходили Шерлока Холмса — «Дело о шелковом чулке», — и миссис Эммет дала нам лучшее из возможных заданий — написать собственный детективный рассказ. В результате наших с Джеком бесед у меня была куча отличных идей. Я даже записывала некоторые из них в специальный блокнот «Истории с загадками» и держала его у себя под кроватью. Обещала себе, что когда-нибудь перепечатаю их на маминем ноутбуке, просто пока времени на это не находилось. Теперь же, всего за полчаса, я исписала уже больше трех страниц. Кира сидела рядом со мной, то и дело наматывая свою косичку на палец и прикусив от усердия язык. Заглянув в ее тетрадь, я увидела там лишь коротенький абзац, в котором большинство слов были зачеркнуты.

— Эй, чур, не списывать! — шутливо шикнула она, подмигивая мне. Мы с Кирой дружим с детского

сада, но любим совершенно разные предметы. Мне нравятся английский, история и география — всё, где есть какие-то сюжеты, а Кира любит математику и физику, то есть предметы, в которых всегда есть правильный ответ. Поскольку мы подруги, каждая готова помочь другой в том, в чем сама сильна.

— Ничего не сочиняется, ну вот хоть убей меня, — прошептала она. — Как думаешь, кто-нибудь заметит, если я просто чуть-чуть переделаю серию «Борцов с преступностью», которую смотрела с мамой неделю назад? Мало кто смотрит этот канал, может, этот сериал никто и не видел.

— Ну рискни, — ответила я.

— Все заняты своими рассказами? — Миссис Эммет глядела на нас в упор, укоризненно приподняв бровь. — Похоже, кое-кто стал отвлекаться... Прежде чем уйти на перемену, давайте послушаем вступительные абзацы. Хотелось бы, чтобы присутствовали атмосфера тревожного ожидания и постепенное появление улики — приемы, которые так блестяще использовал Артур Конан Дойль. Кто хочет выступить первым?

В классе воцарилось молчание.

— Я, например, могу, — с задней парты раздался низкий голос с американским акцентом.

— Спасибо, Дункан. Выходи к доске.

— А это обязательно? Я и с места могу прочитать.

— Если ты будешь стоять лицом к классу, твой голос будет слышен даже на задних партах.

Он шел к доске целую вечность. Его лучшие друзья и прихвостни Макс и Эллиот хлопали Дункана по спине и желали удачи. Как всегда, его одежда выглядела безукоризненно чистой. Сияющие

ботинки, на брюках ни складочки, рубашка нигде не выбилась из-за пояса. Даже не видя с места тетрадь Дункана, я знала, что и почерк у него наверняка каллиграфически ровный.

— Его папа — знаменитый писатель, получивший какие-то престижные премии, — сообщила мне Кира, когда Дункан перевелся в наш класс. — Моя мама перечитала все его книги! А брат Дункана — восходящая звезда тенниса: он еще только в шестом классе, но уже выиграл несколько юношеских турниров.

Дункан держал себя так, будто и он внес свой вклад в славу семьи. Он проходил по школьным коридорам с высоко поднятой головой, словно знаменитость по красной ковровой дорожке, и едва достаивал своим вниманием кого-либо, кроме двоих закадычных друзей. Слово все мы, остальные, не заслуживали его внимания. Сегодня Дункан даже не взглянул на класс. Вместо этого он откашлялся и помялся с ноги на ногу. Последовала долгая пауза — по всей видимости, он о чем-то размышлял.

— Рассказ называется «Хижина», — изрек Дункан наконец, — и он... о мертвецe в хижине. Сейчас сами увидите.

Он читал уверенно, говоря разными голосами за разных персонажей, но все равно было очевидно, что сюжет не слишком хорошо продуман. В хижине посреди заснеженного леса нашли труп. На место происшествия вызвали детектива, который обнаружил, что в помещении нет окон, а единственная дверь заперта изнутри. Высадив дверь, он вошел и обнаружил тело мужчины с колотой раной на шее и ведром кровавой воды рядом — и больше ничего. Я сразу догадалась, что произошло. Это

был вариант задачки-головоломки, которую много лет назад загадал мне Джек. Мужчину заколола сосулька. Я закатила глаза, потому что разгадка была на поверхности. Закончив читать, Дункан, видимо, заметил мою реакцию, потому что его веснушчатые щеки вдруг залились румянцем. Затем, по обыкновению, он чуть сощурил глаза.

— Спасибо, Дункан. Многообещающее начало. Весьма впечатляющие образы. А вот над нагнетанием тревожного ожидания стоит еще поработать. Но мы успеем послушать и пару других рассказов. Кто-нибудь хочет выступить?

Я прятала глаза от миссис Эммет, забыв, что это худшая из тактик: Джек когда-то учился у нее и предупреждал, что она всегда вызывает того, кто меньше всех хочет отвечать.

— Фелисити! Хочешь выйти и прочитать нам начало своего рассказа?

Я кивнула, хотя терпеть не могу читать свои сочинения вслух. Выходя к доске, я спиной чувствовала взгляд Дункана и перед тем, как начать чтение, специально посмотрела на него в упор. Но он, как всегда, отвел взгляд.

— Это потому, что ты ему нравишься, — утверждала Кира, — понимаешь, действительно *нравишься*. Я видела, как он на тебя смотрит, когда уверен, что ты не заметишь. С чего бы еще он отводил взгляд?!

Но она ошибается. Дункан просто странный и, видимо, зачем-то хочет, чтобы мне стало не по себе. До сих пор помню, как мы впервые встретились год назад, в начале четверти.

— Так тебя зовут Флик? — спросил он, когда мы шли по коридору на перемене.

— Ага.

— Редкое имя, да? — спросил он, и я не могла понять, смеется он надо мной или ему действительно интересно.

— Это сокращение от «Фелисити», — пояснила я, хотя, уж конечно, он и так это знал.

— А я — Дункан, недавно переехал сюда из Флориды. — Его американский акцент усилил впечатление, что он заезжая знаменитость. — А ты откуда родом?

— Отсюда, — буркнула я. — И родилась, и выросла, и окончила начальную школу в Эллертоне.

Я тут же почувствовала себя самым неинтересным человеком на свете. В этом Дункану не откажешь: даже если он сказал всего пару слов, они потом не дают тебе покоя.

На сей раз я постаралась не обращать на него внимания и натужно откашлялась.

«Леди Абигайль Джексон терпеть не могла выбирать рождественские подарки. Каждый год она намеревалась отправить вместо себя одну из своих горничных. Чего бы только она ни отдала, лишь бы избежать докучливых толп, запруженных лошадьми улиц и лютого мороза. Но в конце концов, к ужасу домочадцев, она неизменно отправлялась сама. Отчасти дело было в том, что леди Абигайль понятия не имела, что кому купить, а отчасти — в ее неверии, что горничная с честью справится с задачей. Дети, разумеется, увязывались вслед за ней. Им хотелось посмотреть на огромную елку перед собором Святого Павла и навеститься в новую шоколадную лавку, что открылась на Чипсайд. Марго в тот день надела свой новый красный берет, а Генри выскочил из дома без пальто, так что сестре пришлось погоняться за ним по улице. Народу было